

Заметки об Арзамасе (1852).

Ниже представлена I часть труда Александра Власьевича Терещенко, российского этнографа и археолога, «Заметки об Арзамасе», который был опубликован в журнале «Москвитянин» в 1852 году. На текст «Заметок» ссылался Н. М. Щегольков, поскольку в нем частично воспроизводятся сведения из утерянной уже к концу XIX века рукописи мещанина Мерлушкина, собиравшего сказания об Арзамасе еще в конце XVIII века. При составлении «Заметок» А. В. Терещенко также использовал материалы Нижегородских губернских ведомостей (в частности, о проезде Екатерины II через Арзамас) и рассказы жителей города.

II часть его труда содержится в следующем номере журнала «Москвитянин», но в ней основной объем текста посвящен загадкам, пословицам и поговоркам, собранным автором в Нижегородской губернии, поэтому наибольший интерес для тех, кто интересуется историей Арзамаса, представляет именно I часть. При прочтении следует знать, что А. В. Терещенко был, прежде всего, этнографом, в 1848 году вышел его фундаментальный труд «Быт русского народа», в котором собрано огромное количество обрядов, преданий, суеверий и т.д. Это объясняет внимание автора к некоторым темам, не связанным с историей города.

Любопытно, что Н. М. Щегольков при упоминании «Заметок» не совсем правильно привел место их первоначальной публикации, указав, что они появились в журнале «Современник». Однако в «Современнике» в 1850 году была опубликована другая статья А. В. Терещенко, посвященная А. В. Ступину. Сам же Н. М. Щегольков воспользовался некой копией «Заметок», опубликованной отдельно в виде книги объемом 58 страниц. Вот, что он пишет в книге «Исторические сведения о городе Арзамасе», вышедшей в 1911 году:

В 1840-х годах А. Терещенко, гвардейский офицер, писатель, гостивший тогда в Арзамасе у своего друга Н. Я. Стобеуса, написал «заметки об Арзамасе», которые и были напечатаны в «Современнике» и отдельной книжкой в 58 стр. Единственный экземпляр этой книжки сохранился у потомственной почетной гражданки А. М. Подсосовой, с дозволения которой и были сделаны мною выписки из этих «заметок». А. Терещенко также пользовался летописью Мерлушкина и, подобно ему, начинает повествование об Арзамасе следующей легендой...

Далее в книге воспроизводится легенда о нашествии Батыя, источником которой является рукопись арзамасского мещанина Мерлушкина.

Бесспорно, на труд А. В. Терещенко стоит обратить всем, кто интересуется историей города.

Он представлен ниже в максимально приближенном оригиналу виде. Сохранена нумерация страниц. Сноски воспроизведены прямо под текстом, и, как в оригинале, отделены короткой чертой. Некоторые из сносок настолько велики, что переносятся автором на следующую страницу. Сохранен курсив.

Важно учитывать, что публикуемый текст был переведен в электронный вид с помощью системы распознавания текста, а далее вручную скорректирован, но это не означает, что он абсолютно идентичен исходной публикации, и ошибки допустимы. При цитировании сверяйтесь, пожалуйста, со скан-копией «Заметок».

Терещенко А.В. Заметки об Арзамасе / Терещенко А.В. // Москвитянин. Москва : Университетская типография, 1852. – Книга 2. № 22. Ноябрь. С. 63–88 (отд. VII).

— 63 —

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АРЗАМАСЪ.

Происхожденіе Арзамаса. — Пространство новаго города. — Мѣсто казни Арзамасскихъ стрѣльцевъ. — Казненный самозванецъ. — Казнь людоѣда. — Домъ убогій. — Посѣщеніе города знаменитыми людьми. — Церкви и заведенія

общественныя. — Обычаи. — Загадки. — Пословицы. — Поговорки. — Причитанія. — Нравственность. — Особенности Семеновскаго уѣзда.

Начало древняго города всегда выводится изъ преданій народныхъ, более или менѣ старыхъ. Такъ и жители Арзамаса считаютъ свой городъ не только по происхожденію древнимъ, но священнымъ. Лѣтописатель Мерлушкинъ говоритъ, (*) что при нашествіи Бату на Россію, толпы Мордвовъ бѣжали изъ своихъ жилищъ въ мѣста отдаленныя, дикія и непроходимыя, и укрылись въ дебряхъ арзамаскихъ, а въ 1245 г. жилъ уже тамъ съ своимъ семействомъ Мордвинъ Тешъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Втаресь. (***) Однажды онъ, охотясь въ лѣсахъ арзамаскихъ съ дѣтьми своими, зашелъ въ глубину дебрей на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ городъ, наловилъ тамъ множество дичи, нажарилъ, наѣлся съ дѣтьми и уснулъ съ ними. Всѣ они видѣли сны, которые указывали имъ мѣста ихъ жительствова и потому они раздѣлились на курени. Тешъ избралъ себѣ мѣсто по отлогости горы, нынѣшней Духовской, въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ собора, и протекавшей тамъ рѣчкѣ далъ свое имя Тешъ; дѣти его поселились на другихъ мѣстахъ, именно: *Шамайко* на

(*) Мерлушкинъ, — мѣщанин Арзамаскій, жилъ въ концѣ XVIII вѣка. Въ своей лѣтописи онъ ссылается на сочиненіе Князя Хилкова: "Ядро російской исторіи", но болѣе всего на старую рукописную исторію Арзамаскаго купца Шлейникова, писавшаго по сказаніямъ, на изустные рассказы купцовъ: Плотникова и Сеницына, знавшихъ старину по преданіямъ; на сказанія окрестныхъ Нижеломовскаго уѣзда крестьянъ: Ивана Сулова, родившагося въ концѣ XVII вѣка, и какого то Никиты. — Лѣтопись Мерлушкина находится въ рукописи и, переходя изъ рукъ въ руки, она искажается переписчиками, которые или дѣлаютъ прибавленія отъ себя, или измѣняютъ, толкуютъ по своему событія и мѣстности.

(***)Теперь деревня Вторусская, въ 26 верстахъ отъ Арзамаса.

— 64 —

рѣчкѣ Шамакъ иначе Шалиме, обтекающей городъ съ юга и впадающей въ Тешу; *Якшейко* на протокѣ Сорокъ, — внутри нынѣшняго города, имѣющемъ воду только въ половодье; *Михалко* на сѣверѣ въ верстѣ отъ города, на протокѣ Михайлевымъ; *Кусилко* на горѣ *Киселевой*, находящейся между городомъ и протокомъ Михайлевымъ. Черезъ 18 лѣтъ отъ заселенія Арзамаса, — былъ встрѣченъ здѣсь жителями В. К. Александръ Невскій (въ 1263 г.), который возвращался изъ орды и, какъ говоритъ преданіе, онъ обѣдалъ на Духовской горѣ и потомъ водрузилъ на томъ самомъ мѣстѣ крестъ, моля Господа, да просвѣтитъ онъ здѣсь живущихъ свѣтомъ вѣры. Въ исходѣ XIV вѣка, когда В. К. Дмитрій Донской поразилъ на Куликовомъ полѣ Мамаево полчище, тогда многіе Татары искали убѣжища въ непроходимыхъ лѣсахъ и толпой значительной поселились по берегу *Тѣши*, не далеко отъ нынѣшняго города. Татары, смѣшавшись съ Мордвой, не покидали прежняго своего образа жизни: хищничество и разбой; притѣсняли коренныхъ обитателей и силились истребить ихъ совершенно. Мордва возпротивилась имъ, ибо она далеко превышала ихъ своимъ общественнымъ устройствомъ и

многочисленностію, такъ что въ то время были у ней обширныя волости подчиненныя потомству Теша; сверхъ того часть Мордвы, жившей внѣ своихъ селищъ, занималась звѣриной ловлею и пчеловодствомъ, а часть остальная, жившая въ волостяхъ, занималась земледѣліемъ и скотоводствомъ. Царь Іоаннъ IV, идя съ воинствомъ на Казань (въ 1552 году) и имѣя вожатымъ Мордвина *Ичалку*, достигъ лѣсистаго жилища потомковъ Теша. Жители, предводимые двумя братьями, Арзаемъ и Мисяемъ, встрѣтили Государя съ покорностію и дарами, частию собственными, а частию собранными съ волостей; изъявили желаніе быть вѣрноподданными Самодержца Московскаго и проводили его, въ предстоявшій ему походъ, за свое селеніе. На возвратномъ же пути Государь былъ встрѣченъ жителями съ прежнимъ усердіемъ; дозволилъ имъ просить у него, чего они хотятъ? Мордва просила: 1. чтобы мѣстность, занятая ихъ поселеніемъ, предоставлена была во владѣніе имъ и потомству ихъ, 2, что бы въ ихъ обществѣ было поселено нѣсколько русскихъ торговыхъ людей, 3, чтобы Татары, поселившіеся по берегамъ рѣки Теша, были изгнаны.—Царь принялъ ихъ просьбу, выслалъ Татаръ, а дачи, занятыя ими на мѣстѣ нынѣшняго Арзамаса, утвердилъ за Мордвою и ихъ потомствомъ; разослалъ по нѣкоторымъ городамъ грамоты, съ приглашеніемъ торговыхъ людей и ремесленниковъ селиться на мѣстѣ теперешняго города, и потомъ объявилъ Мордвѣ свою волю: о построеніи города въ ихъ жительство. Два брата—старшины: Ар-

— 65 —

зай и Мисяй повиновались Царскому приказу. На другой день составился изъ воеводъ Царскихъ советъ, къ которому были приглашены Арзай и Мисяй, съ ихъ старѣйшинами: съ общаго согласія было избрано мѣсто для возведенія городской крѣпости. Въ присутствіи Царя совершено молебствіе съ освященіемъ и кропленіемъ воды, и въ присутствіи Монарха произведена немедленно работа: расчистка лѣса, копаніе рва и основаніе острога. Положивъ начало городу, Царь предложилъ язычникамъ принять вѣру христіанскую.—Отвѣта не было.—Тогда Государь объявилъ имъ: кто первый крестится, того именемъ названъ будетъ новый городъ, Арзай и Мисяй, первые выступивъ изъ толпы многочисленной, изъявили желаніе на принятіе св. вѣры, и вотъ изъ двухъ именъ Арзая и Мисяя, составилось названіе Арзамаса. Первенцы православія получили въ св. крещеніи имена христіанскія. Арзай наименованъ Александромъ, а Мисяй Михаиломъ. Вскорѣ примѣру двухъ братьевъ послѣдовали не только жители новаго города, но обыватели волостей, переименованные въ дворянскихъ крестьянъ.

При основаніи города, заложена внутри крѣпости церковь во имя Архистратига Михаила, на мѣстѣ нынѣшняго собора. Построеніе же остальныхъ церквей относится къ разнымъ временамъ, но первою церковію послѣ собора, считается сошествіе Св. Духа, находящейся на мѣстѣ задолго предъ этимъ освященномъ молитвою и водруженіемъ креста Александромъ Невскимъ. Въ Арзамасѣ осталась молва, будто бы городская церковь во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова и другая во имя тогоже самага Апостола, отстоящая отъ города въ трехъ верстахъ и находящаяся въ селѣ Ивановскомъ, были построены по повеленію Царя Іоанна Грознаго, въ память его похода на Казань. Въ

подтверждение такого предания добавляются рассказами, что три села Ивановскія: одно въ 35 вер. на юго-западъ, другое въ 3 вер. а третье въ 35 вер. отъ города на сѣверо-востокъ по казанской дорогѣ (Мордовское селеніе Ивашкино) обязаны своими названіями памяти Царя Іоанна, но все это ничѣмъ не подкрѣпляется. Соименное названіе храмовъ и имя Царя, суть причины неосновательныхъ выводовъ и самыя церкви, какъ сельскія, такъ и городскія, построениемъ своимъ гораздо новѣе, нежели соборъ или сошествіе Св. Духа.

Царь Іоаннъ IV совершилъ на Казань три похода. Въ первый, 1549 г., онъ шелъ изъ Мурома на Нижній-Новгородъ, куда прибылъ 26 генваря, а 2 Февраля ночевалъ на Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, дойдя только до острова Работки (нынѣ селеніе того же имени) и по причинѣ чрезвычайной оттепели возвратился въ

— 66 —

Москву, чрезъ Нижній, а на Казань послалъ воеводу Кн. Бѣльскаго; во второй походъ 1550 года онъ шелъ той же самой дорогой, подъ Казанью стоялъ 11 дней и по случаю проливныхъ дождей, не начиная дѣла, поворотилъ воинствомъ къ Нижнему. На обратномъ пути онъ рѣшился построить *для Казанскаго дѣла* городъ Свіяжскъ, который былъ заложенъ въ 1551 году. Въ третій походъ онъ шелъ изъ Мурома къ Арзамасу, по излучистому направленію. Юля 20 Государь ночевалъ въ лѣсу, на рѣкѣ Велетьмѣ и въ 30 верст. отъ города въ полѣ. Это былъ первый его станъ, второй же на рѣкѣ Шиленьтѣ, по большой дорогѣ между деревнями Кулебяками и Ломовной; третій подъ Саканскимъ городищемъ (нынѣ село Саканы, по той же дорогѣ); четвертый въ полѣ на рѣкѣ Иржѣ (нынѣ безводная рѣчка на юго-западъ отъ Арзамаса въ 35 вер.); пятый на рѣкѣ Авшенѣ (нынѣ рѣчка Акша, именовавшаяся прежде въ письменныхъ дѣлахъ Авше, въ 8 вер. отъ Арзамаса, на югъ); шестой на Ковшѣ, седьмой при озерѣ Икшѣ, осьмый при озерѣ, не дошедъ рѣки Піаны (на сѣверо-востокъ, въ 25 вер. отъ Арзамаса). На двухъ противоположныхъ сторонахъ нынѣшняго Арзамаса, были станы воинскіе Царя Іоанна; и это ведетъ къ тому заключенію, что Государь проходилъ лѣсистымъ мѣстомъ, на коемъ стоитъ нынѣ Арзамасъ. (*) Мы знаемъ уже, что лѣтопись Мерлушкина ясно говоритъ, что Царь шелъ на Казань по лѣсистымъ дорогамъ, въ чемъ проводникомъ его былъ Мордвинъ Ичелка; что Царь былъ на мѣстѣ Арзамаса, основалъ городъ, но въ разсужденіи становъ, лѣтопись Мерлушкина весьма много разногласитъ съ Царственной, потому послѣдняя, почитаемая нами болѣе за достовѣрное извѣстіе, принята за указаніе становъ. Во всемъ Ардатовскомъ уѣздѣ (Нижегородской губерніи,) есть устное преданіе, что Царь Іоаннъ сбился съ войскомъ въ непроходимыхъ лѣсахъ, между селеніемъ Сакинъ и Муромской дорогою. Близъ Ардатова (бывшаго до Императрицы Екатерины II дворцовымъ селомъ), есть село Кугнедеево. Житель этого селенія Мордвинъ, взялся провести Царя лѣсами, на степной путь, по направленію на Казань. За указаніе дороги ему были пожалованы многія земли, въ потомственное владѣніе. Родители нынѣшняго арзамаскаго протоіерея и благочиннаго Ив. Осип. Сахарова и многіе старики изъ духовенства, знали лично послѣдняго потомка этаго Мордвина, прозваніемъ Огольцовъ, который былъ неженатъ, споенный, слабоумный, и бродилъ по окрестнымъ селеніямъ съ кузовомъ на плечахъ, для собиранія милостыни. Слабоумный и

(*) Царствен. книга с. 157 — 167. 252—253. изд. С. П. Б. 1769 г.

— 67 —

пьяный, потерялъ царскую грамоту, потерялъ и жалованныя его предку дачи. Этимъ преданіемъ указывается совсѣмъ другой путь и весьма излучистый.—Это отъ Кугнендеева на северо-востокъ, на село Надежино.—Въ Кугнендеевской сельской церкви долго хранился серебряный ковшъ, пожалованный Государемъ.—Отъ Надежина на село Сыресево, съ уклоненіемъ на востокъ. Говорятъ, что церковь Сыресевская стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ растахъ Царя. Отъ этого села шло войско на востокъ, на село Ичалово, гдѣ начинается рѣчка Акша, отсюда на сѣверъ по теченію тойже рѣчки Піанѣ, называемой Пьяною; тутъ уже Государю нельзя было миновать того мѣста, на коемъ нынѣ Арзамасъ, и онъ явился близь рѣки Піаны, на пути въ Казань, въ селѣ Вазьянѣ (слово мордовское и значитъ озеро), гдѣ въ церкви хранится древній большой величины образъ Св. Николая Чудотворца, который, какъ говоритъ преданіе, пожалованъ самымъ царемъ. Отъ Вазьяна не далеко мордовское селеніе Ивашкино. Рассказываютъ, что отъ этой дороги, по извилистому пути къ городу Княгинину (нижегородской губерніи), находятся царскіе памятники въ селеніяхъ княгининскаго уѣзда: Ягодномъ, Вельдямановѣ и Мурашкинѣ.

Спустя почти 28 лѣтъ отъ заложенія Арзамаса, Царь Іоаннъ IV, карая Великій Новгородъ (въ 1580 году) предалъ мечу безчисленное множество жителей, а другихъ разослалъ по новымъ городамъ: въ числѣ этихъ ссыльныхъ было отправлено нѣсколько семействъ въ Арзамасъ, которыя принесли сюда ремесла: кожевенное, скорняжное и другія. Фамилія купцовъ Трушениковыхъ доселѣ ведетъ свое начало отъ новгородскихъ переселенцевъ (*).

Предѣлы земли, пожалованной Царемъ Іоанномъ IV, были весьма не обширныя. На сѣверъ отъ собора противу Спасской церкви близь дома купца Ив. Пет. Ансіева, нынѣ купца Лысковцева, стояла до 1823 года толстая дубовая грань, которая обозначала владѣніе Арзамаса къ Нижегородскимъ и Казанскимъ дорогамъ, а на протяженіи 12 верстъ, на сѣверъ же, были лѣсныя дачи помѣщика Ник.

(*) Городъ Арзамасъ упоминается уже въ Книгѣ большаго чертежа, изд. Г. И. Спасскимъ (1846 г. въ Москвѣ) с. 127—128 «А на рѣкѣ на Тешѣ, отъ Мурома 120 вер. градъ Арзамасъ; а Теша рѣка вытекла съ верху рѣки Алатыри и отъ рѣки отъ Пьяны». Книга больш. чертежа относится къ 1600 г. и какъ ни баснословенъ рассказъ о построеніи Арзамаса, все онъ древній городъ, конечно временъ Іоанна IV. — Замѣчательно, что разстояніе верстъ удивительно вѣрное: нынѣ тоже самое, не смотря на то, что нѣкоторые полагаютъ въ тогдашней верстѣ 1060 и 700 сажень.

— 68 —

Ѳеодор. Ртищева и простирались до нынѣшняго села Протопоповки (*). По размноженіи народонаселенія жители обратились къ Ртищеву съ прошеніемъ, объ уступкѣ имъ изъ его дачь какой нибудь части. Ртищевъ запросилъ у нихъ, за всѣ

подгородныя свои дачи, 500 руб: но Арзамасцы представили ему вмѣсто денегъ одну свою бѣдность. Тогда великодушный бояринъ пожертвовалъ имъ всѣ свои дачи, на 12 верстѣ въ длину до самой Протопоповки. (**) Изъ этихъ дачъ городъ лишился въ послѣдствіи многихъ участковъ. Въ 1822 году купецъ Ив. Петров. Ансіевъ вызвался соорудить памятникъ Ртищеву. Уже былъ составленъ рисунокъ, испрошено согласіе начальства, о Ансіевъ желалъ поставить памятникъ на мѣстѣ грани, у себя предъ окномъ; по распоряженію же власти было отведено мѣсто у восточнаго угла Спасской церкви, между тѣмъ обороты торговыя Ансіева начали упадать, потомъ упали и предположеніе не сбылось.

В древнемъ Арзамасѣ жили внѣ городской крѣпости, въ стѣнахъ острога (котораго не осталось слѣдовъ) стрѣльцы, пушкарки и люди служилые разныхъ чиновъ; улица же отъ собора, по нижегородской дорогѣ, именовавшаяся въ актахъ стрѣлецкою, сохранила прежнее свое названіе по нынѣ. Въ смежности съ слободой Выѣздной, въ 1 1/2 верст. отъ города, доселѣ находится деревня, состоящая изъ 25 дворовъ, которая извѣстна въ простонародіи подъ именемъ Стрѣлки и Пушкарки. Улица стрѣлецкая и деревня Стрѣлка были жилищами стрѣльцовъ, отъ коихъ потомство осталось въ одномъ семействѣ, спасшемся побѣгомъ отъ казни, и это семейство живетъ въ Стрѣлкѣ. На концѣ Выѣзднаго, по уклоненію Стрѣлки на западъ, стоитъ на широкой полянѣ столбъ, съ образами въ кіотѣ. По общему преданію, на этомъ мѣстѣ вѣшали и рубили головы стрѣльцамъ, принимавшимъ участіе въ самозванцахъ и въ крамолахъ правительницы Софіи. Обыватели Выѣзднаго и Стрѣлки приходятъ сюда въ родительскую седмицу, по четвергамъ, служить панихиды по казненнымъ, и такой обрядъ отправляется съ утра до вечера.

На югъ отъ города, съ правой стороны саратовской дороги, стоятъ на полянѣ вдалекѣ другъ отъ друга, каменная часовня съ образами и три кирпичныя не обдѣланныя столба; по всѣмъ четыремъ

(*) Ник. Феодор. Ртищевъ, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, завѣдывалъ соколиной охотой и былъ тѣмъ, что нынѣ оберъ-егермейстеръ.

(**) Преданіе купца и почетнаго гражданина Ивана Алексѣевича Попова, скончавшагося въ глубокой старости въ 1845 г.

— 69 —

сторонамъ вставлены образа, — это домъ убогій. Здѣсь ежегодно, предъ праздникомъ пятидесятницы въ четвертокъ, называемый въ простонародіи семикомъ, отправляются за убиенныхъ панихиды, съ утра до вечера, Выѣзно-слободскими женщинами. Начало убогаго дома, по рассказамъ очень старыхъ людей, слѣдующее: однажды въ лунную ночь ѣхалъ въ городъ, съ сельскаго торговаго хмѣльняго Арзамаскій купецъ, котораго называютъ по фамиліи. Подъѣзжая къ городу, онъ увидѣлъ на висѣлицѣ три тѣла. Поворачиваетъ къ нимъ свою лошадь, останавливается предъ несчастными, уже мертвыми, бьетъ одного за другимъ плетью, понося, и укоряя въ преступленіяхъ, ему неизвѣстныхъ. Наругавшись надъ ними, онъ подошелъ къ телѣгѣ и хотѣлъ садиться, но голоса несчастныхъ велятъ

остановиться ему. Онъ испугался, однако крестясь, покушается състь и хочетъ скорѣе уѣхать. Повѣшенные говорятъ ему, что они хотятъ его придвинуть къ себѣ, прибавивъ: мы осуждены Богомъ и Великой Государынею за наши дѣла злыя, а тебя ничѣмъ не обидѣли; за что же ты билъ насъ? Дерзкій, очнувшись отъ хмѣля, сталъ предъ ними на колѣна, началъ просить прощенія и произнесъ обѣтъ, что если отпустятъ его, то онъ, какъ имъ, такъ и всѣмъ несчастно умершимъ, выстроитъ домъ убогій. Купецъ былъ помилованъ и онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Въ его убогомъ домѣ погребались тѣла не только казненныхъ, но и убитыхъ и умершихъ по какому либо несчастію близъ города или внѣ его. (*)

(*) Убогіе дома или иначе скудельницы, сдѣлались извѣстными въ нашемъ отечествѣ со введеніемъ христіанской вѣры, и вездѣ по всей Россіи встрѣчаютъ доселѣ названіе убогихъ домовъ внѣ города, на поляхъ, на коихъ отправляются поминовенія по усопшимъ. Древніе Евреи считали богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ и раздавать милостыню на ихъ могилахъ. Товитъ, услышавъ за трапезою отъ сына своего, въ день пятидесятницы, что удавленный лежитъ на площади торговой, бросилъ обѣдъ и пошелъ хоронить его, положивъ, до захожденія солнца *въ нѣкоемъ домѣ*. Въ первые вѣка христіанства благочестивые люди обрекали себя на погребаніе усопшихъ нечаянной смертію, и таковыми славятся у насъ: въ Кіевѣ св. Маркъ гробокопатель, въ Новгородѣ Станило боголюбивый и Жгальцо нищій. — Погребеніе и поминовеніе убогихъ совершались у насъ ежегодно въ четвергъ на троицкой недѣлѣ, въ седьмую седмицу по пасхѣ, и даже въ родительскую субботу. Церковь наша, поминая всѣхъ преждепочившихъ, молится и о убогихъ: равномѣрно застигнутыхъ нечаянной смертію, убитыхъ молніею, замерзшихъ, утопшихъ, отравленныхъ или убитыхъ (служба въ седьмую седмицу по пасхѣ или Пенти костаріонъ). Значеніе убогаго дома показываетъ мѣсто, устроенное ради Бога, чтобы снискать спасеніе души добрымъ подвигомъ; строили особые дома, куда отвозились всѣ умершіе, но имѣвшіе родныхъ или найденные, никому неизвѣстные: на дорогѣ, въ рѣкахъ, въ поляхъ и т. п. Въ убогихъ домахъ погребали иногда самоубійць. Патріархъ Филаретъ, въ грамотѣ его

— 70 —

О казняхъ, произведенныхъ въ Арзамасѣ, рассказываютъ весьма много, изъ чего нѣкоторые заключаютъ: не былъ-ли Арзамасъ когда нибудь городомъ казней? Такое заключеніе едва ли не вѣрное, ибо казней было здѣсь много, отъ того, что въ Арзамасѣ находилось воеводство съ провинціальною канцеляріею, коей вѣдомству принадлежали уѣзды: Арзамаскій, Ардатовскій, Лукояновскій, часть Сергачевскаго, Княгининскаго и Горбатовскаго, почти половина Нижегородской губерніи. Многіе помнятъ высокую дубовую башню съ страшными орудіями пытокъ, стоявшую на западной сторонѣ собора и рассказываютъ про казни. Благодѣтельная и челоуѣколюбивая Императрица Екатерина II, навсегда уничтожившая пытки, велѣла сломать всѣ тѣ башни, на коихъ терзали людей, а лѣсъ ихъ купилъ купецъ Скоблинъ, употребившій на заводъ кожевенный.

Арзамасскому Спаскому монастырю, данной въ 1619 г., говоритъ между прочимъ: «похороняти тѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть, кусомъ подавится, или кто кого ножомъ зарежетъ, или съ древа убьется, или утонетъ не купаючися, или отравною смертію умереть, а не самъ себя отравитъ, тѣхъ у церкви Божіей похороняти и надъ ними отпѣвати; а который человекъ вина опьется, или удавится, или зарежется, или съ качелей убьется, или самъ себя отравитъ, или иное какое дурно самъ надъ собою учинитъ, и тѣхъ церкви Божіей не похороняти и надъ ними не отпѣвати, велѣти ихъ класти въ убогихъ домахъ» (истор. Рос. іерар. т. 111. с. 269). Благочестивый обрядъ поминовенія, въ убогихъ домахъ, совершался у насъ весьма умиленно: на троицкой недѣлѣ въ четвергъ, называемый въ простонародіи семикомъ, бывалъ крестный ходъ изъ ближайшаго монастыря или собора, въ убогій домъ, при торжественномъ ходѣ несли гробы, одежду и полотно для покрытія мертвыхъ. Несшіе, сами копали ямы, разбирали трупы, лежавшіе по полгода въ ямахъ убогаго дома, завертывали въ одежду или полотно, клали въ гробы, опускали въ приготовленныя ими могилы и засыпали землею. Духовенство потомъ отправляло общую панихиду, а участвовавшіе въ погребеніи раздавали нищимъ милостыню, состоявшую изъ блиновъ, калачей, пироговъ, яицъ, вотрушекъ, кто чѣмъ могъ. При этомъ трогательно набожномъ обычаѣ присутствовали бояры, иногда Государь. Сердобольный царь Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ весьма часто убогіе дома, поддерживалъ благочестивый обрядъ и нерѣдко самъ присутствовалъ.—Такъ, происхожденіе убогаго дома въ Арзамасѣ обязано общему началу благочестиваго обряда и оно перешло сюда, разумѣется, съ духомъ того времени. Но когда? опредѣлить нельзя съ достовѣрностію, и только можно сказать, что это могло быть нераньше распространенія въ немъ христіанства, конца XVI в. Однако не должно смѣшивать часовню Арзамаскую, носящую одно только названіе убогаго дома, съ прежде бывшими настоящими убогими домами. Арзамаскій есть лишь память прежнихъ домовъ, и указываетъ безъ сомнѣнія на то мѣсто, на коемъ нѣкогда стоялъ убогій домъ, а теперь часовня, куда стекается народъ отправлять панихиды въ четвергъ семиковый. Съ тѣхъ поръ, какъ устроились внѣ города кладбища, въ третьей четверти XVIII в., уничтожились убогіе дома.

— 71 —

По сходству случая о происхожденіи дома убогаго, можно припомнить здѣсь о монастырѣ *Трехгуляевъ*, находящемся близъ Тамбова. Три богатые купца, захотѣвъ попить на просторѣ, отправились гулять въ лѣсокъ. Тамъ они гуляли трое сутокъ и во время попойки представлялись имъ страшныя видѣнія. Купцы, безмѣрно утрашенные, собрались въ дорогу, но привидѣнія новыя заградили имъ путь и грозили мученіями. Гуляки, желая очистить себя отъ грѣховъ, дали обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ монастырь, и они воздвигнули монастырь Трехгуляевъ. (1)

Почти всѣ граждане арзамаскіе знаютъ о посѣщеніи ихъ города Екатериною II и передаютъ объ этомъ изъ рода въ родъ, въ память потомству. Лукояновскій дворянинъ Яковъ Даниловичъ Блевацкій, имѣющій нынѣ болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, такъ сообщилъ объ немъ одному своему родственнику: (2) «Шестіе Государыни Императрицы Екатерины Великой въ Казань было водою. Въ Нижнемъ

Новгородѣ доселѣ хранится, въ одномъ каменномъ сараѣ, по лѣвую сторону крѣпости, та лодка, въ которой плыла Императрица. Въ проѣздѣ чрезъ Городецкѣ, (3) было приготовлено для Государыни, въ соборной церкви городецкаго монастыря Императорское съ балдахиномъ мѣсто, которое было еще въ цѣлости до 1831 года. Потомъ Царица изволила посѣщать Нижній и Макарьевскій монастырь. Изъ Казани она отправилась сухимъ путемъ на Симбирскѣ, отсюда чрезъ Арзамасъ, въ обѣ свои столицы. — Первый ночлегъ Государыни былъ въ селѣ Черновскомъ (Сергачевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи). Пребываніе ея здѣсь ознаменовано милостію къ тамошнему помѣщику г. Ермолову, у котораго она была воспріемницею дочери его Маріи Θεодоровны, въ послѣдствіи вышедшей за мужъ за г. Кикина. — Монархиня пожаловала своей крестницѣ на зубокъ 100 душъ крестьянъ въ селѣ Гавриловкѣ, Лукояновскаго уѣзда. Изъ Арзамаса она направила свой путь чрезъ Муромъ и Владиміръ.»

Въ селѣ Черновскомъ есть фамилія Прапорщиковыхъ, обязанная своимъ происхожденіемъ присутствію Императрицы. Одинъ дворянскій мальчикъ, обративъ на себя вниманіе Государыни, былъ ею приласканъ; она назвала его въ шутку прапорщикомъ и пода-

(1) Легенду эту сообщилъ протоіерею Сахарову полковникъ гвардіи Ник. Ник. Кутлубицкій, слышавшій ее отъ туземца, столѣтняго іеромонаха Филарета.

(2) Полков. Гвар. Н. Н. Кутлубицкому.

(3) Нѣкогда удѣльное владѣніе Нижегородскихъ великихъ Князей, а теперь оно помѣщичье.

— 72 —

рила ему 25 руб. Съ тѣхъ поръ это названіе обратилось въ дѣйствительное.

О пріѣздѣ Государыни въ Арзамасъ сохранилось невыгодное для него преданіе. Подъѣзжая ночью къ городу, Императрица увидѣла, что толпы, вышедшія встрѣтить ее за заставою, расположились на полѣ кучками и, въ ожиданіи ея пріѣзда, заснули богатырскимъ сномъ. Царица, заставъ ихъ спящими, произнесла: *сонъ городъ!* Торговцы здѣшніе сказываютъ, что въ станицахъ казацкихъ доселѣ покликаютъ на Арзамасцевъ: *сонъ городъ!*. — Ея Величество имѣла въ городѣ ночлегъ въ воеводскомъ домѣ, на которомъ мѣстѣ нынѣ уѣздное училище. На другой день поутру чины Арзамаскіе были приняты милостиво Императрицею.

Сохранился еще другой разсказъ о пребываніи Императрицы въ Арзамасѣ. Выѣхавъ изъ имѣнія Ермолова (села Черновскаго), Государыня пріѣхала въ село Пречистенское (арзамаскаго уѣзда) того же дня въ 11-мъ часу. Здѣсь былъ готовленъ для нея и ея свиты ужинъ. Послѣ ужина она сидѣла такъ долго за столомъ, что, когда стали садиться въ кареты, было уже свѣтло, *что было народу весьма удовольствованно, ибо мракъ ночной не скрывалъ Августѣйшаго лица ея*, говоритъ одинъ современный сочинитель. По утру, часу во 2, пошелъ проливной дождь, и дороги испортились. Между Пречистенскимъ селомъ и Арзамасомъ много

горь, и по этому путь былъ еще затруднительнѣе. Въ четвертомъ часу она прѣхала въ деревню Саблукова (помѣщикъ деревни арзамаскаго уѣзда). Хотя отсюда до Арзамаса было не болѣе 30 верстъ, однако Государыня прѣхала въ городъ не прежде 6 часовъ. — Арзамаское дворянство, предводимое своимъ воеводою, дожидалось съ ранняго утра Императрицы. За полверсты отъ Арзамаса, сойдя съ лошадей, оно привѣтствовало Ея Величество, а эскадронъ грузинскаго гусарскаго полка, стоявшій въ Арзамасѣ, отдавалъ обыкновенную честь и составлялъ конный поѣздъ. Для пребыванія Императрицы былъ назначенъ домъ отставнаго гвардіи Прапорщика Семена Бутурлина, жившаго въ Арзамасѣ роскошнѣе другихъ и имѣвшаго лучшей домъ во всемъ городѣ. Послѣ недолгаго отдохновенія, Императрица изволила ѣздить по городу и, обозрѣвъ его, осталась устройствомъ его очень довольна. У собора встрѣтило Государыню духовенство въ полномъ облаченіи. Войдя въ соборъ, Императрица слушала краткое молебное пѣніе, и многолѣтіе. Выйдя изъ него, Императрица проѣхала къ вѣнцу горы, на которомъ построенъ Арзамасъ, и нѣсколько времени осматривала живописныя окрестности этого города. Возвратясь въ домъ Бутурлина, Императрица имѣла обѣденный столъ, къ которому были при-

— 73 —

глашены Нижегородскій губернаторъ и арзамаскій воевода, — всего за столомъ было 21 человекъ. По окончаніи обѣда, представились въ третьемъ часу Императрицѣ: мѣстное дворянство съ женами и дочерьми, купечество, Николаевскаго женскаго монастыря Игуменья съ сестрами, и Спасскаго мужскаго монастыря Игуменъ съ братією. Всѣ они удостоились цѣловать руку Ея Величества. Разговаривая съ купцами, Императрица спрашивала ихъ о торговлѣ и промышленности арзамаской и пожелала, чтобы ей были поднесены кожевенныя издѣлія тамошняго завода. Она замѣтила купцамъ: почему они явились безъ женъ и дочерей? Купцы смутились, а Государыня сказала: *не надобно, подражая Туркамъ и Татарамъ, держать женщинъ въ заперти.* — На большой площади былъ устроенъ бой гусей арзамаскихъ, столь извѣстный по всей Россіи. Императрица не была на немъ, но графы Орловъ и Чернышевъ приняли участіе въ зрѣлищѣ. Графъ Орловъ выигралъ значительный закладъ и хозяинъ гуся-побѣдителя, подарилъ его графу, чѣмъ Орловъ былъ весьма доволенъ. Изъ Арзамаса поѣхала Царица въ пятомъ часу по полудни, по дорогѣ въ Муромъ. Въ 7 часу перемѣнили лошадей близъ деревни Быковки, принадлежащей отставному подполковнику Мих. Жукову, (нынѣ принадлежитъ гг. Жукову и Мельниковымъ). Жуковъ на означенномъ мѣстѣ для перемѣны лошадей построилъ триумфальныя ворота, разрисованныя аллегорическими фигурами, и на верху этихъ воротъ поставилъ своихъ музыкантовъ. Напротивъ воротъ была раскинута великолѣпная палатка, въ которой былъ приготовленъ десертъ, чай, вино и закуска. Жуковъ со всей своей семьей дожидался Императрицы въ палаткѣ и когда кареты остановились, началась музыка и пальба изъ трехъ фальконетовъ: послѣдняя однако была тотчасъ прекращена, по повелѣнію Императрицы, которая опасалась, чтобы лошади не понесли кареты. Допустивъ Жукова и его семейство къ рукѣ, Государыня изволила здѣсь кушать чай и пробыла въ палаткѣ до 10 часовъ. Хороводъ крестьянскихъ дѣвушекъ, ихъ пѣсни и

музыка не прекращались во все время пребывания Императрицы, но приготовленный фейерверкъ не былъ сожженъ: по запрещенію Ея Величества. Въ 10 часовъ поѣздъ отправился далѣе, а въ три часа по полуночи (12 іюня) Государыня изволила прибыть въ село Савастлейку (уже московской губерніи). Здѣсь встрѣтилъ Ея Величество Московскій губернаторъ. Въ 7 часу Государыня приѣхала въ Муромъ. На р. Окѣ была устроена переправа на судахъ, украшенныхъ разноцвѣтными флагами. При пушечной пальбѣ и колокольномъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ звонѣ, муромскій воевода, дворянство и городовые жители встрѣтили Ея Величество на при-

— 74 —

стани. Двѣ роты Невскаго пѣхотнаго полка отдавали честь, съ преклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ. Государыня остановилась въ воеводскомъ домѣ. — Тотчасъ, по приѣздѣ въ Муромъ, нижегородскій губернаторъ Аршеневскій откланялся Императрицѣ (*).

Арзамасъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ великаго полководца, генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго. Преслѣдуя бунтовщика Пугачева, онъ проѣзжалъ Арзамасъ, гдѣ ему былъ отведенъ домъ въ захолустьи, потому что на главной улицѣ не было тогда лучшаго помѣщенія. Этотъ домъ былъ купца Цыбышева, производившаго обширную торговлю. У Цыбышева были два сына, оба въ то время младенцы. Суворовъ, приласкавъ одного изъ малютокъ, посадилъ его на свои колѣна и снявъ съ себя кортикъ, подарилъ ему. Этотъ подарокъ былъ хранимъ долгое время съ благоговѣніемъ въ семействѣ Цыбышевыхъ, и только крайняя нищета заставила владѣльца, мѣщанина Александра Цыбышева, продать эту драгоценность ардатовскому помѣщику г. Шверину за 28 руб. сер., и это случилось не болѣе какъ 14 лѣтъ тому назадъ.

Арзамасъ богатъ церквами и монастырями. По первоначальному построенію почитается церковь Св. Духа, именовавшаяся до 1833 года особо-троицкою. Въ 1764 году она обращена въ приходскую изъ мужескаго троицкаго монастыря, который въ народѣ, и даже въ старинныхъ бумагахъ, для различія отъ ближайшей къ нему троицкой приходской церкви, носилъ имя *черной Троицы*, а приходская троицкая называлась *бѣлая Троица*. Другія церкви: во имя Рождества, Пророка Иліи, Іоанна Богослова, преподобнаго Зосимы, Спаса, преп. Макарія, св. Софіи, Введенія во храмъ Божіей Матери, Благовѣщенія, такъ же почитаются старыми, но время ихъ постройки никто не могъ мнѣ достовѣрно обозначить. На двухъ кладбищахъ находятся одна — Всѣхъ Святыхъ, а другая, именуемая въ простонародіи Напольною. Въ тюремномъ замкѣ особая церковь. Надобно замѣтить, что каждый приходъ имѣетъ лѣтнюю и зимнюю церковь. Монастыри: Спасскій, Никольскій и Алексѣевскій, послѣдній переименованъ въ Алексѣевскую общину; всѣ они весьма замѣчательны по своей постройкѣ и старинѣ, но до сихъ поръ никѣмъ неизслѣдованы съ должной точностію и мнѣ не удалось приобрѣсть объ нихъ хорошихъ свѣдѣній. У всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: нѣтъ у насъ свѣдѣній; бумаги сгорѣли.

Въ Арзамасѣ весьма великолѣпенъ Воскресенскій соборъ, въ коемъ, кромѣ богатства и изящества, находится крестъ пожалованный

(*) Нижегород. вѣдом. за 1845 годъ No 5, с. 59-62.

— 75 —

Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1643 г. Онъ осмиугольный, обложенъ серебромъ и украшенъ вызолоченной сканною работой. Лицевая сторона его обложена жемчугомъ; подъ изображеніемъ Распятаго Спасителя находится образъ Св. Николая Чудотворца. На нижнемъ концѣ надпись славянская: *повелѣніемъ великаго Гдря Цря і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи самодержца и его благовѣрной Црцы Евдокѣи Лукьяновны и благовѣрныхъ чадъ сдѣланъ крстъ в Арзамасъ в соборную црковь Воскресенія Хва в льто зрна (7151) т. е. 1643 года. Въ крестѣ находятся мощи св. угодниковъ русскихъ: св. Іоанна новгородскаго, Сергія радонежскаго, Кирилла бѣлозерскаго, Великаго Князя Георгія Всеволодовича, Евфимія суздальскаго и проч. На задней сторонѣ креста надпись посрединѣ: *сіи мощи приложилъ дьякъ Семень Володимировъ снъ Румянцевъ.**

Этотъ Румянцевъ, родомъ изъ Арзамаса, служилъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дьякомъ, въ посольскомъ приказѣ, а въ 1667 году, съ дворяниномъ Петромъ Ивановичемъ Потемкинымъ, былъ посланъ въ Гишпанію и Францію (*).

На четвертой верстѣ, къ сѣверо-западу отъ города, стоитъ на высокой горѣ мужская пустынь, извѣстная подъ именемъ Высокогорско-Вознесенской. Съ сѣверной стороны окружаетъ его лѣсъ, а съ южной извивается рѣчка Тѣша. Въ 1716 году въ Маѣ мѣсяцѣ, Арзамасцы построили для монаховъ на горѣ часовню и двѣ келіи, и положили совершать сюда ежегодно въ день Вознесенія Господня крестный ходъ изъ Воскресенскаго собора. Первый крестный ходъ былъ совершенъ 10 мая тогожъ года, въ самый праздникъ Вознесенія Господня, при большомъ множествѣ народа и въ сопутствіи спасскаго архимандрита Анѳиногена со всѣмъ соборомъ, коменданта города Михаила Языкова и всѣхъ властей. — Спустя два года, набожный Прузинцовъ, крестьянинъ князя Ивана Голицына, испросилъ дозволеніе построить, не подалеку отъ часовни, теплую деревянную церковь во имя Богоматери Тихвинской, съ придѣломъ въ честь Муромскихъ чудотворцевъ Петра и Февроніи. Іеромонахъ Спасскаго монастыря Герасимъ былъ назначенъ строителемъ, но до построенія церкви эта пустынь была наименована монастыремъ и поступила въ вѣдѣніе Спасскаго архимандрита Лаврентія (въ 1719 г.). Не долго иноки наслаждались покоемъ въ новомъ своемъ монастырѣ, ибо шайки разбойниковъ, гнѣздившихся въ непроходимыхъ тогда лѣсахъ арзамаскихъ, грабили и жгли ихъ строенія, потому они должны были

(*) Нижегород. вѣдом. 1845 года N 2. с. 18—19

оставить свою обитель и перейти въ арзамаскїй Особно-троицкїй монастырь (въ 1734 г.): сюда перенесли ризницу, колокола и церковное имущество. Келїи и храмъ Божїй опустѣли и потомъ пришли въ разрушеніе, однако чрезъ нѣсколько времени арзамасцы испросили дозволеніе на возобновленіе обители (въ 1743 г.), которая снова была наименована *Высокогорско-Вознесенскою пустынью*, и сюда было возвращено изъ Особо-троицкаго монастыря все имущество, которое ей принадлежало. По сооруженїи церкви во имя Вознесенія Господня, обитель возродившаяся была приписана къ Саровской пустынь (*), изъ которой тогда же присланъ сюда для управленія,

(*) Пустынь эта лежитъ въ Темниковскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, отстоитъ отъ Арзамаса въ 60 верстахъ, а отъ границъ Тамбовской и Нижегородской губерніи въ 2 вер. Она называлась прежде Сатисъ-градо-Саровская, отъ рѣчекъ Сатисъ и Сарова, соединившихся подъ стѣнами монастыря и впадающихъ въ рѣку Мокшу. Имя же градо-Саровское прибавлено потому, что на этомъ мѣстѣ былъ татарскїй городъ Сараклычъ, въ коемъ жилъ въ 1389 году послѣдній властелинъ его, татарскїй князь Беханъ, владѣвшій, по назначенію хановъ Золотой орды, многими еще городами татарскими и мордовскими. По уничтоженїи Дегить-кипчакаго царства, въ началѣ XVI вѣка, при послѣднемъ ея ханѣ Сеидъ-Ахметѣ, Сараклычъ былъ раззоренъ. На остаткахъ его, заросшихъ густымъ сосновымъ лѣсомъ, уединился монахъ Θεодосїй, за нимъ Герасимъ, потомъ Иларїонъ, наконецъ Исаакїй, въ схимѣ Іоаннъ, и этотъ есть настоящій основатель обители. Онъ построилъ сначала деревянную церковь во имя Пресвятыя Богородицы живоноснаго источника, на бывшемъ укрѣпленїи Саракалычъ. Въ послѣдствїи на рвахъ, валахъ и мѣстахъ крѣпостныхъ построены всѣ нынѣшніе храмы, братскїя келїи и разныя хозяйственныя монастырскїя устройства, но за всѣмъ тѣмъ доселѣ осталось значительное пространство, отдѣляющееся довольно ясно древними рвами и валами. — По освященїи первой церкви, въ 1706 г. іюня 16, возведены монастырскїя зданїя, кои тогда же были окружены каменной стѣной съ башнями; случившїйся же чрезъ пять лѣтъ пожаръ, истребилъ всѣ постройки, за исключенїемъ одной церкви. Однако усердіемъ строителя Исаакїя и благотворенїями людей набожныхъ, были возведены новыя гораздо лучшія зданїя, стѣны монастырскїя, пещеры и храмы. Еще монахъ Иларїонъ, скрывавшїйся отъ людей въ ископанной имъ пещерѣ, началъ устраивать подземныя келїи, въ 1691 г.; а первоначальникъ обители раскопалъ ихъ подъ землею до половины монастыря. По бокамъ подземныхъ ходовъ онъ расположилъ келліи, въ коихъ живали монахи; по срединѣ построилъ церковь во имя Кїевскихъ преподобныхъ Антонїя, Θεодосїя и всѣхъ Кїево-печерскихъ чудотворцевъ, которая была освящена въ 1711 году. Въ ней долгое время отправляли богослуженіе, но нынѣ она оставлена по причинѣ невыносимой сырости и запаха удушливаго, отъ коего не только бываетъ головокруженіе, но обмороки съ слабонервными. Самые образа покрылись влажностїю и плѣснью, отъ чего многія изображенїя почти изгладились. Входъ въ келліи очень тѣсный; въ нихъ едва можно

поворотиться одному человѣку и онѣ болѣе похожи на могилы. Вещей отъ молившихся въ этихъ

— 77 —

іеромонахъ Теофанъ, введшій общежительское правило: въ одѣяніи, трапезѣ, послушаніи и молитвословіи, до нынѣ соблюдаемое. Въ скоромъ времени возрасла пустынь, украсилась постройками и церковною утварью. Въ этомъ она весьма много обязана благотвореніямъ

келліяхъ никакихъ не осталось. Стѣны пещерныя высѣчены изъ туземной каменистой почвы и выведены дугообразно; входъ въ нихъ кругообразный, и чтобы ходить по нимъ, надобно согнуться даже человѣку средняго роста. За всѣмъ тѣмъ нельзя было проходить по нимъ безъ особаго чувства благоговѣнія и внутренняго сознанія о величіи душъ, спасавшихся здѣсь и достойно презрѣвшихъ суету суетъ. Первоначальникъ Саровской пустыни ввелъ уставъ Θεодора Студита и Маркелла, обители неусыпаемыхъ, и постановилъ за правило, что бы во всю первую недѣлю великаго поста было бы безпрестанно днемъ и ночью пѣніе. Онъ же узаконилъ, что бы всѣ входящіе и пріѣзжающіе въ обитель богомольцы, какого бы ни были званія, имѣли бы въ ней помѣщеніе и пищу бесплатно. Это соблюдается до-нынѣ и въ большіе праздники кормится народа до трехъ тысячъ душъ, какъ мнѣ говорили. Въ Св. Троицко-Сергіевской лаврѣ кормится народъ такъ же даромъ и его бываетъ въ большіе праздники до пяти тысячъ. Умный, добрый и радушный настоятель Троицко-Сергіевской лавры, архимандритъ Антоній, съ невыразимымъ удовольствіемъ показывалъ пищу, какую подаютъ богомольцамъ: прекрасный хлѣбъ, щи, каша, жареный картофель, рыба и квасъ, — возбудили во мнѣ желаніе отвѣдать, и потомъ я ѣлъ съ большою охотою. Въ приготовленіи такой пищи и сохраненіи всего въ строгомъ порядкѣ, обязана св. Лавра неусыпному попеченію Антонія. Сколько богомольцевъ возсылаетъ благодареній Богу за подобный благодѣтельный обычай. Изъ многихъ цѣлей учрежденія монашества, это есть весьма важная и утѣшительно-сладостная обязанность. Удѣлять ближнему кусокъ хлѣба, значитъ помогать и словомъ и дѣломъ, — истинно-христіанскій, богоугодный подвигъ! И никому онъ такъ не близокъ, какъ пастырямъ душъ и тѣлесъ. Саровская пустынь такъ же какъ и Лавра, можетъ хвалиться заботливостью о помѣщеніи и накормленіи богомольцевъ, и нельзя не вспомнить при этомъ, что она много еще одолжена нынѣшнему своему строителю игумену Исаію.

Основатель обители Исаакій, желая конецъ дней своей жизни посвятить совершенно Богу, принялъ схиму, а съ нею имя Іоанна, но среди благочестиваго его уединенія онъ былъ не ожиданно схваченъ въ келліи, по приказу Бирона и привезенъ въ Петербургъ, для какого то допроса тайнаго и умеръ тамъ отъ гоненій и истязаній временника въ 1737 г; погребенъ же на Колтовской у церкви Преображенія Господня на 80 году его жизни. Но ни доски надгробной, ни мѣста могилы, никто не можетъ указать въ Колтовской, ибо все сравнялось съ землею. Извѣстно только что у церкви погребенъ схимникъ Іоаннъ, которую онъ возлюбилъ

съ дѣтства и упокоился подлѣ нее. Не тяготитъ его праха памятникъ мнимаго величія, но сіяетъ его имя среди угодниковъ Божіихъ.

Схимонахъ Іоаннъ родился близъ Арзамаса, въ селѣ Красномъ, отъ церковнослужителя отца Θεодора, который такъ же принялъ схиму. На 19 г. своей жизни Исаакій поступилъ въ убогій Арзамаскій монастырь Введенія

— 78 —

князей Хованскихъ и Куракиныхъ, помѣщикамъ: Путяинымъ, Максютовымъ, новгородскому Митрополиту Дмитрію Сѣчену, его отцу Алексѣю Ивановичу, помѣщицѣ Аннѣ Кречетниковой: помѣщикамъ: Раевскимъ, Панютинымъ, Чемодановымъ, Полчениновымъ, Лялинымъ, Микулинымъ, купцамъ арзамаскимъ: Сальниковымъ, Масленковымъ, Корниловымъ, Заячниковымъ и другимъ. Масленковы и Корниловы

Пресвятая Богородица, потомъ былъ священникомъ въ Синаксарской пустыни, наконецъ снова возвратился въ Введенскій монастырь, отсюда поступилъ уже въ Саровъ. Послѣ себя онъ избралъ преемникомъ добродѣтельнаго мужа Дороея, который построилъ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, освященную въ 1744 г., послѣ расширенную въ 1777 г.; за тѣмъ были возведены колокольня и больница каменная. Больница укрывала престарелыхъ и немощныхъ братій, однимъ словомъ, каждый преемникъ производилъ новыя постройки, такъ что пустынь явилась блестящимъ вѣнцомъ среди мрачныхъ темниковскихъ лѣсовъ. Постоянно дѣлались большія приношенія, строились храмы богатые и вскорѣ украсили пустынь, церкви: Живоноснаго источника, Іоанна Предтечи, Святителя Николая и друг. Замѣчательно, что многія зданія строились самими монахами. Напримѣръ: Соборную церковь Успенія строилъ монахъ Іаковъ, который родомъ былъ изъ Калужскихъ купцовъ и назывался прежде Иваномъ Ѳедоровымъ. Иконописаніе и раскраска стѣнъ производилась отчасти руками монашествующихъ. Мнѣ указывали на семь монашествующихъ слѣпцовъ, изъ коихъ всѣ мастеровые: одинъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, который заводитъ и поправляетъ на колокольнѣ часы, два другіе слесари, а послѣдніе четыре благовѣстятъ попеременно на колокольнѣ, на которую ведутъ 320 ступеней; эти же звонари присматриваютъ за часами.

Въ Успенскомъ соборѣ находится картина прекрасной работы, представляющая разслабленнаго, опускаемаго чрезъ потолокъ въ то время, когда его нельзя было принести къ Іисусу Христу, по причинѣ чрезмѣрной толпы, окружавшей Спасителя. Эта картина, приписываемая Рафаэлю, не докончена, и она подарена помѣщикомъ Павломъ Алаксандровичемъ Галаховымъ. Другая картина, находящаяся въ церквѣ Живоноснаго источника, представляющая бѣгство въ Египетъ, по искусству гораздо выше мнимой рафаэлевской; не извѣстно, чьей она кисти? Большая часть образовъ облиты серебромъ и золотомъ и осыпаны драгоценностями. Вообще Саровская пустынь великолѣпна. Самое мѣстоположеніе ея привлекательное. Она стоитъ въ глубинѣ расчищеннаго лѣса, окаймлена рѣчками, а темный боръ обхватываетъ пустынь на сто верстъ въ окружности; онъ

весь принадлежит монастырю. По течению рѣчки Саровки, унизанной соснами столѣтными стоитъ подъ густою тѣнью деревьевъ колодецъ св. Серафима, имъ ископанный; по-выше колодца, въ саженьяхъ семи, была на косогорѣ его келлія, прикрываемая деревьями, гдѣ онъ уединялся. Около четверти версты отсюда, далѣе вверхъ по горѣ, камень гранитъ, сѣраго цвѣта, на коемъ онъ, стоя на колѣнахъ, молился сряду нѣсколько дней и ночей. Всякій проходящій сюда, невольно останавливается и молится Богу. Въ десяти саженьяхъ отсюда находится крестъ, вырѣзанный Св. Серафимомъ на одномъ сосновомъ деревѣ, доселѣ растущемъ.

— 79 —

обстроили почти всю пустынь, арзамаское же общество опредѣлило въ вѣчное владѣніе пустыни 1700 сажень земли, съ растущимъ крупнымъ лѣсомъ и сѣннымъ покосомъ, и обязалось вносить ежегодно по 100 руб. ассигнаціями, что съ 1749 г. исполняется по нынѣ. По распоряженію же нижегородской казенной палаты отведены въ 1797 г. рыбныя ловли на рѣкѣ Тешѣ, двѣ мельницы и 30 десятинъ земли. Нижегородскій епископъ Павелъ, живавшій въ пустынь, просилъ синодъ о включеніи ея въ число семибратскихъ обителей, потому что она была хорошо устроена; зналъ людей, усердствовавшихъ и не оставлявшихъ ее своими благотвореніями. Синодъ включилъ ее въ число семибратскихъ монастырей, и по этому она ни-какого не получаетъ со стороны правительства вспоможенія, содержась своими средствами. Тогда же она была исключена изъ вѣдомства саровской пустыни. Теперь въ этой обители 70 братій, въ ней зданія почти всѣ каменные, и суть слѣдующія:

1. Лѣтняя соборная церковь о пяти главахъ, во имя Вознесенія Господня, съ двумя придѣлами во имя Успенія Божіей Матери и Іоанна Предтечи; ея строителемъ былъ, какъ мнѣ говорили, изъ монашествующихъ саровской пустыни. Иконостасъ рѣзной со смѣсью архитектурной. За настоятельскимъ мѣстомъ стоитъ подъ стекломъ большой кипарисный крестъ кievской работы, съ рѣзанными въ немъ пятнадцатью праздниками, и есть приношеніе строителя пустыни іеромонаха Мелетія. Въ крестѣ хранятся части дерева отъ животворящаго креста Господня, мощи угодниковъ: восточныхъ и русскихъ; весь крестъ убранъ искусственными цвѣтами. Тотъ же Мелетій принесъ сюда шесть финиковыхъ вѣтвей. На хорахъ полукруглыхъ, поддерживаемыхъ десятью колоннами узорчатыми и дѣланныхъ русскими рабочими по ихъ фантазіи, находится библіотека, состоящая изъ церковныхъ книгъ, почти до 1000; въ числѣ ихъ есть рукописное Евангеліе исхода XVII или начала XVIII вѣка, обложенное двумя толстыми дубовыми досками и обтянутое узорчатой набойкою, мѣстами изорванной. Оно писано киноварью крупными буквами, почеркомъ уставнымъ или Кириловскимъ, въ листъ безъ столбцевъ, на бумагѣ лощенной желтоватаго цвѣта и съ надстрочными удареніями, безъ соблюденія правильнаго переноса словъ. Евангеліе раздѣлено на зачала, которыя начинаются не съ красной строки. Заглавныя буквы и заглавные листы обозначены красными чернилами. Надписи Евангелистовъ изображены вязью, красными чернилами, довольно красиво; вверху трехъ Евангелистовъ: Матвѣя, Марка и Луки, украшенія, состоящія изъ трехугольниковъ, кружковъ и рѣшетки, выведенныя перомъ красными чернилами, а у Іоанна одними черными

чернилами. Въ скорописной надписи, находящейся въ концѣ Евангелія, сказано, что его писалъ Даміанъ изъ села Гортятина, въ монастырѣ Успенія Богоматери. *Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и съвершѣшенимъ и содѣянимъ Святаго Духа. Почася и съ врѣшися сія книга рукою многогрѣшнаго и малопотребнаго и недостойнаго раба Божія Деміана при обителѣ и при бидрѣ Успинія Пресвятыя Владычица наша Богородица и присно Дѣва Маріа. Въ сель нарицаемомъ Гортятинѣ. Прошу отци святыи сію книгу чтите исправляюще.* Конецъ листа оторванъ. — Евангеліе переходило изъ церкви въ церковь, и первоначально, быть можетъ, вывезено изъ мѣстъ южной Россіи: изъ великаго княженія Кіевского или Черниговскаго, потому что въ припискѣ встрѣчаются выраженія и слова, чисто малороссійскія, на примѣръ: *книга придана булаку церкви святой до храму Успенія Пресвятей Богородицы въ сель Гортятинѣ. Ветхую продалъ отецъ діаконъ вишь помененный а иншую костовнѣйшую купилъ за тые грошь власные* (*).

(*) П. Пискаревъ, бывшій уѣзднымъ арзамаскимъ учителемъ, сообщилъ извѣстіе объ этомъ Евангеліи въ Нижегородск. губерн. вѣдомостяхъ, съ ошибками. Говоря, что есть поводъ думать, что Евангеліе это принесено въ пустынь издалека; что оно, кажется, было на престольномъ въ XVII вѣкѣ въ Пятницкой церкви или города Ефремова или села Овсянникова Тульской губерніи, приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія приписки, которыхъ уже нѣтъ, безъ сомнѣнія, оторваны: а сія книга глаголемая Евангеліе на престольное Никитскаго попа Косьмы Иванова... сія книга глаголемая церкви Пятницы лежитъ у престола Пресвятыя Богородицы... староста... Никитскій попъ Сава принялъ въ архіерейскую домовую казну изъ Ефремовскаго уѣзда села Овсянникова съ Пятницкаго попа Евсевѣя на нынѣшней на 152 годъ (1644 г.)... и на соборъ и заѣзда и въ домовое строеніе всего рубль осьмнадцать алтынъ четыре деньги, да въ домовой его московской расходъ и на жалованья домовымъ людямъ одинадцать алтынъ, да полонныхъ съ него попова двора десять денегъ, старостѣ на отвозъ два алтына. Въ томъ отпись дана, староста попъ Сава». Жалѣю объ утратѣ этой росписки, свидѣтельствующей какъ вели наши предки счеты свои, записывая ихъ куда попало. Г. Пискаревъ называетъ это Евангеліе древнимъ, относя его къ исходу XIV или началу XV вѣка. Его доказательства состоятъ въ однихъ юсахъ, употребляемыхъ попеременно вмѣсто *у, ю, о* и *а*. Юсы не подкрѣпляютъ древности Евангелія, ни даже почеркъ его, ибо до нынѣ есть охотники до древнихъ начертаній, коихъ списываютъ и такъ сказать срисовываютъ со всѣми знаками и юсами. Точно такъ и это Евангеліе списано было кѣмъ либо, сохранивъ всю его старину. Притомъ Евангеліе писано на бумагѣ желтоватаго цвѣта, а не на пергаменѣ. Послѣдняя ошибка непростительная, она похожа на авось! никто не увидитъ! Конечно, извѣстіе, что Евангеліе исхода XIV или начала XV вѣка, и на пергаменѣ, кого не заманитъ своею рѣдкостію! Въ томъ Евангеліи встрѣчаются выраженія, уже согласныя съ исправленіями Никоновскими. Это показываетъ, что Евангеліе

Въ Евангеліи этомъ имя Спасителя нашего Ісусъ пишется безъ различія. Или съ однимъ І или съ двойнымъ Іи, и оно должно служить прекраснымъ опроверженіемъ суемудрствованію раскольниковъ и можетъ обличить ихъ въ томъ, что слова Ісусъ и Іисусъ одинаково понимались нашими предками, не думавшими никого вводить въ заблужденіе. Для примѣра приводимъ нѣсколько строкъ: книга родства *Ісусъ Христова..... Ісусъ Христова Рождество.....* и нарекутъ Ему имя *Ісусъ..... Ісусу* же рождшемуся... Тогда възведенъ бысть духомъ *Ісусъ* въ пустыню.... Въ то время иде *Ісусъ.....* И изыде пакы *Ісусъ* къ морю... И ядущимъ имъ, рече *Ісусъ.....* Приемъ *Ісусъ* хлѣбъ... и т. д.

2. Теплая огдноглавая церковь во имя Покровской Пресвятой Богородицы, съ двумя предѣлами: Скорбящей Божіей Матери и святителей Николая Миряликійскаго и Дмитрія Ростовскаго. Въ этой церкви находится чудотворная храмовая икона, пожертвованная г. Карауловымъ, которымъ она вставлена въ серебряно-вызолоченный окладъ, унизана жемчугомъ и разноцвѣтными камнями. Бар. Н. А. Шлиппенбахъ пожертвовалъ 8000 руб. съ тѣмъ, что бы на проценты съ этого капитала вѣчно теплилась, предъ чудотворной иконою, не угасимая лампада, по супругъ его, похороненной въ усыпальницѣ подъ церквію.

Другія зданія монастырскія не имѣютъ особой замѣчательности, кромѣ того, что противу трехъ-этажнаго корпуса устроено кирпичное зданіе надъ глубокимъ колодцемъ, отъ коего поднимается вода насосомъ и бѣжитъ по жолобу во всѣ монастырскія службы. За колодцемъ идетъ фруктовой садъ. Всѣ зданія обнесены высокой зубчатою стѣной, за ней расположенъ каменный гостинный домъ. Въ полверстѣ отъ пустыни находится пчельникъ, въ коемъ болѣе 200 ульевъ. Сверхъ этого пустынь имѣетъ свое подворье и часовню, близъ выѣздновскаго моста. Въ монастырскихъ запискахъ сохранились имена бывшихъ настоятелей пустыни: Луки, Герасима, Іова, Варсонофія, Ефрема, — Клеопы, Теофана, Порфирія, Софронія, бывшаго настоятеля Саровской пустыни, Мелетія и другихъ. Мелетій замѣчателенъ тѣмъ, что онъ посѣщалъ святыя мѣста и описалъ ихъ. Сынъ астраханскаго купца, онъ получилъ духовное образованіе и поступилъ по собственному желанію въ монахи Саровской пустыни. Въ 1790 г., онъ ходилъ поклониться гробу Спасителя, составилъ описаніе своему путешествію, съ замѣчаніями на Проскинитарій Арсенія

не древнее т. е. ни XIV, ни XV вѣка — См. П. Пискарева статью: *Высокоборская вознесенская мужская пустынь*, въ Нижегород. губ. вѣд., помѣщенная, кажется, въ 1849 году.

Суханова, ходившаго въ XVII в. на востокъ, для узнанія церковныхъ уставовъ. Мелетій возвратился изъ Іерусалима въ 1794 г., со святынею и пальмовыми вѣтвями, которыя до сихъ поръ хранятся. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ строителемъ высокогорской пустыни, а чрезъ пять лѣтъ вторично ходилъ въ Іерусалимъ, но корабль, на коемъ онъ плылъ, сокрушило бурей, въ 15 верстахъ за

Акрою (6 Ноября). Нѣсколько людей потонуло и спаслось не много, въ числѣ коихъ былъ самъ Мелетій, однако чрезъ два дни онъ умеръ и погребенъ въ одномъ селеніи, въ 17 верстатъ за Акрою. Благочестивый Мелетій умеръ вдали отъ своего отечества и не достигъ земли святой, въ которой онъ думалъ положить свои кости.

Алексѣевская община находится въ городѣ и основана Марією Петровной Протасовой изъ упраздненнаго Алексѣевского женскаго монастыря. Это благотворительное учрежденіе поддерживается собственными трудами монахинь, занимающихся рукодѣліемъ и иконописаніемъ.

Ихъ трудами росписаны внутренность храмовъ общины, устроены ризы, плащеница и всѣ вещи церковныя. Украшеніе образовъ изъ фольги прозрачной, вышиванье серебромъ и золотомъ, служатъ образцемъ прекрасныхъ женскихъ работъ. Образъ жизни общины, весьма суровый.

Изучая нравы русскаго народа, я встрѣтилъ въ Арзамасѣ смѣсь повѣрій и обрядовъ, занесенныхъ сюда изъ Велико-россіи, или носящихъ на себѣ отпечатокъ что-то Мордовскаго. Въ купеческое же сословіе проникла уже общественная образованность; такъ что не только молодые, но и пожилые купцы отличаются пріятностію разговора, вѣжливостію и любовію къ познаніямъ, по этому слѣды старины исключительно остались въ быту мѣщанъ и ремесленниковъ, особенно между женщинами. Но и тутъ присутствіе Священника удерживаетъ ихъ отъ рассказовъ про чародѣйство, даже стыдятся говорить про свои уборы, передавать сказки, пѣсни, поговорки. Уборы и обряды поражаютъ здѣсь своею особенностію, но мнѣ ни какъ не удалось составить имъ описаніе, — не смотря на обѣщанія многихъ духовныхъ и купеческихъ лицъ.

Нарѣчіе Арзамасцевъ, мало отличающееся отъ нижегородскаго, составляетъ смѣшеніе другихъ нарѣчій, преимущественно новгородскаго. И это очень естественно. Іоаннъ Грозный, наказывая Новгородъ (въ 1580 г.) предалъ многихъ смерти, а другихъ толпами разослалъ по новымъ городамъ, въ томъ числѣ въ Арзамасъ, гдѣ по-

— 83 —

селившіеся сообщили туземцамъ, съ своимъ образомъ жизни, и свое нарѣчіе. Доселѣ въ словахъ Арзамасцевъ звучитъ твердое *о*, и они не измѣняютъ *о* на *а*, какъ Москвичи, и не вездѣ удерживаютъ *е*. Имѣя произношеніе легкое, говорятъ: *хóладна*, *жáрка*, *вълена*, вмѣсто: *холодно*, *жарко*, *вельно*. Букву *г* измѣняютъ въ мѣстоимѣніяхъ на *в*, а *е* сокращаютъ въ мѣстоимѣніяхъ: *ево* или даже *іово* вмѣсто его; *мовó*, *твовó*, *свовó*, вмѣсто твоего, моего, своего: въ остальныхъ рѣченіяхъ произносятся *г* — латинскимъ *g*: *горà* (горà) *гogol* (гоголь) *гdie* (гдѣ) *гаварю* (гаварю) и проч. Окончаніе глаголовъ *тся* и *тѣся* перемѣняютъ на *тца*: *боитца*, *ссоритца*, вмѣсто: *боится*; *ссориться*; въ окончаніяхъ на *еть* букву *е* отбрасываютъ, когда на ней удареніе: *собираеть*, *читаеть*, *почиваеть*, вмѣсто собираетъ, читаетъ, почиваетъ. Мѣстоименіе *ихъ* измѣняютъ по родамъ, падежамъ и числамъ: *ихъ*, *иха*, *ихо*, *ихова*, *ихой*, *ихому*, *иху*, *ихи*, *ихимъ*, *ихихъ*, *ихими*, *ихній*, *ихна*, *ихно* *ихной*, *ихнова*, *ихному*, *ихну*, *ихни*, *ихнимъ*, *ихнихъ*, *ихними* и т. д. Рѣзкая измѣна Арзамаскаго выговора, противу

нижегородскаго, есть та, что буква *е*, гдѣ она невыговаривается какъ *іо* (міодъ, міоду), и буква *ѣ* замѣняется *и* или *ы*: *мишокъ, писни, цырковный* вмѣсто: *мѣшокъ, пѣсни, цѣрковный*. Тутъ однако Арзамасцы несходны съ жителями селеній краснослободскихъ и кадомскихъ, у коихъ буква *е* вездѣ терпитъ отмѣну, а *я* въ возвратныхъ и взаимныхъ глаголахъ мѣняется на *и*, наприм. *низнаю, биру, взялси, жинилси*, вмѣсто: не знаю, беру, взялся, женился. Если Арзамасцы не говорятъ подобно имъ, то еще гораздо страннѣе произносятъ *е* и *ѣ* вмѣсто *и*, такъ что ихъ выговора въ послѣднемъ случаѣ ни-какъ нельзя выразить письменно. У нихъ есть свои слова, выраженія и значенія напр. *помстилось, представилось, ономясь, было; иноязъ, я былъ* (послѣднія два слова употребляются и въ Оренбургской губерніи). Недѣля *Ѳомы* называютъ *радуницею*. Торговецъ на одномъ и томъ же рынкѣ, покупающій и перепродающій товаръ, особенно холстъ, называется кулакъ. У лавочниковъ вмѣсто барышъ употребляется въ разговорахъ *польза*; вмѣсто получилъ барышъ, говорятъ столько-то попользовался или столько-то нажилъ пользы. Многіе означаютъ время, рассказываемаго происшествія, словами *сюводнишнава, вчерашнива, завтришнава, восемнава числа* и проч. Торговые мѣщане, за исключеніемъ весьма немногихъ, мѣшиваютъ въ разговоры, почти за десятымъ словомъ, добавочное *примѣрно*. Въ живыхъ рассказахъ, выражая скорость или ловкость дѣйствующаго, употребляютъ *въ разъ*. Почетное лицо именуютъ *ваша милость*. *Я пришелъ къ вашей милости, я докладывалъ вашей милости*. Въ

— 84 —

вѣжливостяхъ прибавляютъ частицу *ста*: *прійми-ста, кушай-ста, нѣтъ-ста*. Женщина, угощая при первомъ знакомствѣ другую, часто приговариваетъ сударыня, наприм. *кушай-ста сударыня, свахинька сударыня*, а та, отговариваясь и отводя рукою поднось, отвѣчаетъ: *не просиста и, права-ста, не стану*. Если гости не такъ ѣдятъ, какъ бы хотѣлось хозяйкѣ или хозяину, то упрашиваютъ ихъ *поневольтесь, понатужтесь*. Въ короткомъ знакомствѣ одна убѣждаетъ другую: *а ты полна матка, чай я у тебя не ламалась (нечванилась)*. Когда въ чемъ нибудь не довѣряютъ то подозрѣваемый говоритъ: *я за эта не возьму съ тебя тово, чѣмъ ты глядишь*. Говоря о неблагонадежномъ работникѣ или мальчикѣ, выражаются: *съ нево взять-то только горсть волосовъ*. Другіе, изъясняясь на пиршествѣ объ умѣренности, произносятъ: *брюхамъ хлѣба ни перитаскашъ*. — Считается особою вѣжливостію и знаніемъ свѣта посылать въ день прадника или въ день именинъ письменныя поздравленія, ссылаясь на то, что такъ водится въ Петербургѣ. Всему виновать Петербургъ!

Нѣкоторые изъ обычаевъ Арзамаскихъ поникнуты религіознымъ чувствомъ. Если женщина разрѣшится не поздно ночью, то она не согласится принять ни чашки чая, ни самой необходимой пищи для подкрѣпленія, пока не совершится надъ нею молитвословіе.

Еще продолжается старый обычай высматривать невѣсть въ церквахъ, во время принятія ими божественныхъ тайнъ, потомъ сватаютъ, и въ случаѣ обоюднаго согласія, дѣлаютъ *смотрины* или *смотрѣнье* въ великомъ посту.

Мать, имѣющая сына—жениха и выбирающая по своимъ примѣтамъ хорошую себѣ невѣстку, каждую субботу великаго поста объѣзжаетъ нѣсколько церквей, чтобы выглядѣть по своимъ желаніямъ. — Дѣвишники (вечеръ на канунѣ брака) празднуются въ хорошихъ домахъ очень скромно. Самъ женихъ, пріѣзжающій къ своей невѣстѣ въ сумерки, даритъ ее уборомъ и уѣзжаетъ. У нѣкоторыхъ невѣсть, послѣ отъѣзда жениха, отправляется всеобщее бдѣніе или по утру молебенъ. У простыхъ людей бываютъ пѣсни, особливо если дѣвишникъ приходится наканунѣ праздника; потомъ, довольно поздно вечеромъ, толпа дѣвушекъ выходитъ изъ дому невѣсты и отправляются съ пѣснями въ домъ жениха, который угощаетъ ихъ пряниками, орѣхами или чаемъ. Визгливая шайка дѣвушекъ идетъ по улицѣ, подъ начальствомъ одной проворной женщины, которая несетъ на плечахъ, на коромыслѣ, пустыя ведра. Рассказываютъ, что

— 85 —

такой обычай былъ здѣсь въ употребленіи между купцами, не болѣе какъ лѣтъ 40 тому назадъ. Женихъ помолвленнй на смотрѣніи или рукобиты, не отправится къ невѣстѣ безъ священника, который и въ домъ жениха, предъ отправленіемъ его съ родными къ своей невѣстѣ, и въ домъ невѣсты по данномъ ею согласію на выходъ за мужъ, сопутствуетъ молодому въ епитрахили и съ крестомъ, читаетъ молитву и благословляетъ помолвленныхъ. Тутъ въ первые получаетъ священникъ подарокъ отъ невѣсты, и дѣвушки. Въ присутствіи священнослужителя на помолвкѣ, не играютъ пѣсней. По совершеніи бракосочитанія, молодые отправляются домой въ вѣнцахъ на головѣ; родители жениха встрѣчаютъ ихъ въ сѣняхъ: отецъ съ образами, а мать съ хлѣбомъ-солью. Обвѣнчанные, стоя на войлокѣ или коврѣ, кладутъ предъ образомъ два поклона поясныхъ, третій земный и поочередно цѣлуютъ образъ, потомъ отца и кланяются ему въ ноги; послѣ принимаютъ вмѣстѣ образъ. Поклонясь матери въ ноги, цѣлуютъ сначала хлѣбъ, за тѣмъ мать, потомъ кланяются ей въ ноги и принимаютъ уже отъ нея хлѣбъ — соль. По входѣ новобрачныхъ въ комнату, священникъ отслуживаетъ молебенъ благодарственный, во время котораго молодые стоятъ въ вѣнцахъ. Въ этотъ день священникъ обязанъ объѣдать у молодыхъ, въ противномъ случаѣ онъ тяжело бы обидѣлъ все родство новобрачныхъ. Обѣды даются большіе; не менѣе двадцати блюдъ, разумѣется, у зажиточныхъ людей; нужно пить и ѣсть, иначе станутъ убѣждать: *поневольтесь, понатужьтесь*. Обѣды эти называются *съ выходцемъ*. Подносящаго послѣ обѣда вино, на подносѣ, заставляютъ перваго выпить, крича: *носцу первому!* Онъ какъ бы ни откланивался и отстранялъ бы отъ себя эту почесть всеобщую, но долженъ уступить. Въ первый послѣ брака воскресный или праздничный день, молодыхъ вводятъ въ церковь, гдѣ они, послѣ службы, слушаютъ молебенъ и всегда Божіей Матери.

Арзамаскій женскій полъ чрезвычайно любопытенъ, и ничто не скрывается отъ его глазъ, особенно торжественные какіе либо случаи, на примѣръ: смотрѣнье, свадьбы и похороны. На смотрѣньяхъ домъ невѣсты окружается зрителями, стоящими подъ окошками, или набиваются покои незванными гостями, отъ коихъ ни въ комнатѣ, ни въ сѣняхъ нельзя проходить самимъ хозяевамъ. Незванные стоятъ молча, и трудно уговорить ихъ, чтобы онѣ вышли. Ежели въ двухъ или трехъ

церквахъ вѣнчаютъ богатыхъ молодыхъ, то женщины какъ бы обязанностию считаютъ посмотрѣть на всѣ эти свадьбы. Если умеръ богачъ, въ домѣ коего предполагается пы-

— 86 —

шное погребальное убранство, или если умеръ молодой человѣкъ, котораго кончина бываетъ всегда трогательна для родныхъ, то между кончиною и погребеніемъ усопшаго, женщины стекаются толпами со всего города въ домъ покойника, и тѣсняются во время панихиды. При выносѣ усопшаго изъ дому въ церковь, толпа женщинъ непременно провожаетъ его. По выносѣ изъ церкви тѣла умершаго, заносятъ къ дому его, ставятъ у воротъ на приготовленной скамьѣ и совершаютъ литію.

Должно замѣтить, что если умирающій *томится*, приходитъ въ предсмертное страданіе, то немедленно посылаютъ *встрѣчную милостыню* въ богадѣльни, въ тюрьму и монастырь. Кончина усопшаго возвѣщается въ его приходѣ протяжнымъ благовѣстомъ въ большой колоколъ, отъ 3 до 10 ударовъ. По числу ударовъ узнаютъ, кто померъ. При унывномъ перезвонѣ выносятся тѣло и сопровождается толпами народа изъ дома до церкви и изъ церкви до кладбища.

Нельзя скрыть и любопытства мужчинъ, которые стекаются смотрѣть на служеніе вновь поступившихъ священниковъ и дьяконовъ; потомъ судятъ объ ихъ осанкѣ, голосѣ и проповѣдяхъ.

Праздники проводятъ весело. Рождество, масляница, Свѣтлое Воскресенье, Троицынъ день превращаютъ городъ въ шумный базаръ. — Вездѣ спѣшатъ съ поздравленіями, угощаютъ и радуются. Семикъ и Троицынъ день оставили по себѣ слѣды суевѣрныхъ обрядовъ: завиванія и пусканія вѣнковъ на воду, гаданія и предсказыванія по нимъ будущности. День Св. Троицы встрѣчаютъ торжественно и напоминаютъ встрѣчу Спасителя Іудеями съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Наканунѣ окружаютъ дома березками, осыпаютъ полы комнатъ травою, а ихъ внутренность и окна убираютъ пахучими растеніями и цвѣтами. Едва ударитъ благовѣсть, въ день праздника, всѣ спѣшатъ въ церковь, идя съ вѣтвями или пучками цвѣтовъ, съ коими стоятъ во всю обѣдню, и съ ними выходятъ изъ храма. Прекрасное зрѣлище при многочисленности народа, несущаго зелень и возвѣщающаго Тройственное торжество!

Примѣты и обряды суевѣрія не принадлежатъ собственно Арзамасу: они или перенесены сюда изъ другихъ мѣстъ, или уже искажены здѣсь. Если въ Новый годъ или въ день Богоявленія, деревья въ лѣсахъ и садахъ покрыты инеемъ, то лѣто будетъ хлѣбородное. День преп. Ксеніи (января 24) рѣшаетъ цѣны на хлѣбъ. Если въ этотъ день или въ послѣдующій за нимъ торговый, цѣна возвысилась или понизилась, то такая будетъ цѣна на хлѣбъ. Если

— 87 —

Евдокеинъ день (марта 1) ведренный и ясный, то всѣ лѣтніе большіе праздники будутъ красные; напротивъ, если въ день Евдокии идетъ снѣгъ, то лѣтніе праздники будутъ дождливые. Въ маѣ не женятся, иначе супруги будутъ маяться. При

отдаваніи мальчика въ ученіе, призывается въ помощники прор. Наумъ, чтобы онъ наставилъ его на умъ. Если въ лѣтнее время влетитъ въ комнату птичка, то въ домѣ будетъ покойникъ. (*) Если у покойника глаза неплотно закрыты, то будетъ въ томъ домѣ другой покойникъ.

Примѣты опытныхъ людей принимаются другими часто при наблюденіяхъ за правило, или за истину. Такъ говорятъ о посѣвѣ ржаного хлѣба: сѣй въ грязь, будешь князь. О яровомъ: хоть въ золу, да въ пору. Вѣрятъ здѣсь *сглазу*, отъ котораго извѣстныя старушки, отнюдь не почитаемыя за волшебницъ, спрыскиваютъ больныхъ или умываютъ ихъ съ углей, угадывая по углямъ, кто сглазилъ или, по выраженію здѣшнему, кто *озепаль*: мущина, женщина или дѣвка! Умытому или спрыснутому, облизываютъ лицо самая знахарки. Огневица, трясавица и другіе виды лихорадки, почитаются дочерьми іудейскаго царя Ирода, которыхъ насчитываютъ 12, и нѣкоторымъ изъ нихъ придаютъ имена, какъ-то: лихоманки, кумы, кумохи, добрухи. Вѣрованье въ домовыхъ и колдуновъ, шатающихся ночью послѣ ихъ смерти, осталось еще между простымъ народомъ. Въ окружныхъ селеніяхъ и даже по всему арзамаскому уѣзду отправляется опахиваніе. Если не далеко отъ села или деревни откроется падежь рогатаго скота, то дѣвки, отказавшіяся на всегда отъ брака, и вдовы, собравшись безъ вѣдома семействъ и жителей, выносятъ въ глухую полночь на поле съ однимъ сошникомъ соху, впрягаютъ въ нее дѣвку, болѣе другихъ извѣстную по честности въ жизни. Впряженная должна быть въ одной рубашкѣ,

(*) Вообще птицы, влетающія неожиданно въ окно, каркающіе вороны, щебечущія сороки у оконъ, порхающіе около оконъ воробьи или влетающіе въ покои, означаютъ во всей Европѣ дурное предзнаменованіе. Я самъ былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ случаевъ въ Дрезденѣ, Львовѣ и Вѣнѣ: когда влеталъ въ окошко воробей, тогда предрекали смерть, и случалось, что, на бѣду суевѣрныхъ, въ то время лежала больная любимая дочь, о которой съ рыданіями объявляли всѣмъ своимъ знакомымъ, что она не жилица этого свѣта. Знаменитый комикъ гишпанскій, Рохасъ, въ комедіи своей — *Del rey abajo, ninguno*, акт III. с. 142, выражая сѣтованіе невѣсты, увидѣвшей летающихъ около ея окошекъ птицъ, особенно зловѣщаго воробья, говоритъ, что сладостное пѣніе птицъ, порхающихъ попеременно подъ ея балкономъ, не суть для нея пѣсни торжественно-брачныя; что гибельный воробей, злой предвѣстникъ, поетъ ей каждый день, каждую ночь, одну смерть, вмѣсто того, чтобы воспѣвать ея свадьбу.

— 88 —

съ распущенными волосами: она тащитъ соху, вмѣсто лошади; остальные ухватятся за оглобли или веревки, а другія даже привязавши себя къ оглоблямъ, помогаютъ везти соху. Впустивъ сошникъ не глубоко въ землю, опахиваютъ все селеніе, и вездѣ, противу вѣздовъ въ село, напахиваютъ крестъ. За сохою слѣдуетъ дѣвка съ кузовомъ, наполненнымъ зерновымъ хлѣбомъ всякаго рода и набраннымъ во всѣхъ домахъ: этимъ хлѣбомъ она сѣетъ по бороздѣ, проложенной сохою. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, для прекращенія падежа, выкапываютъ, по совѣщанію міра, яму, на томъ

самомъ мѣстѣ, на которомъ пала скотина, и къ хвосту ея привязываютъ живыхъ пѣтуха, кошку и собаку, и зарываютъ вмѣстѣ съ падалью. Хозяинъ палой скотины вознаграждается отъ міра за шкуру.

(Окончаніе въ слѣд. номерѣ).